

II. ЛИЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО КОЛХОЗНИКОВ В 1930-е – КОНЦЕ 1950-х гг.

Появившееся на исторической арене с началом массовой коллективизации личное подсобное хозяйство (ЛПХ)* представляло собой своеобразный социально-экономический рудимент индивидуального крестьянского хозяйства. Образовалось ЛПХ на базе приусадебного участка, на котором российские крестьяне, включая и сибирских, традиционно выращивали предназначенные преимущественно для внутрисемейного потребления культуры (картофель, овощи и др.). По данным 10% сельскохозяйственной переписи 1927 г., на одно крестьянское хозяйство, обследованное на территории округов Сибирского края, в 1930 г. вошедших в состав Западно-Сибирского края, в среднем приходилось 0,07 га приусадебного посева. Картофель в общей его площади занимал 48,2%, овощи – 28,1%¹. Животноводческая часть личного хозяйства также возникла из потребительского сектора крестьянского животноводства.

Размеры личного хозяйства крестьян, волею или неволею превратившихся в 1930-е гг. в колхозников, определялись не столько их желанием и возможностями, сколько государством. На первом этапе сплошной коллективизации (конец 1929 – начало 1930 г.) оно часто сводилось лишь к огороду. В коммунах как наиболее поощряемой форме колхозного строительства "обобществлялась" даже домашняя птица. От коммун по уровню "обобществления" ненамного отставали и многие сельхозартели, в которых у крестьян отбирался весь крупный и мелкий скот.

Угроза всеобщего крестьянского восстания и хозяйственной катастрофы заставила советское партийно-государственное руководство кардинально изменить свою позицию и по темпам коллективизации, и по уровню "обобществления" имущества колхозников. Повсеместное насаждение коммун было осуждено, а основной формой колхозного строительства объявлена сельхозартель. 2 марта 1930 г. одновременно со статьей И.В. Сталина "Головокружение от успехов" был опубликован утвержденный ЦИК и СНК СССР Примерный устав сельскохозяйственной артели, в котором определялись предельные рамки изъятия в фонд колхоза имущества его членов. В индивидуальном пользовании рекомендовалось оставлять приусадебные земли (огороды, сады и т.п.), одну корову и "некоторое"

* Примечание автора: в 1930-е, 1940-е и даже в 1950-е гг. личное хозяйство имело для колхозников далеко не подсобное значение. Однако для краткости и следуя традиции мы используем общепринятую аббревиатуру – ЛПХ.

количество мелкого продуктивного скота. Домашняя птица "обобществлению" не подлежала².

Тем не менее большинство крестьян, первоначально загнанных в колхозы, из них вышло, предпочитая иметь не личное подсобное, а единоличное хозяйство. Что же касается жителей деревни, оставшихся верными "социалистическому выбору", то большая их часть вообще не имела ЛПХ. Согласно налоговому учету 1930 г., "необобществленным" имуществом, облагаемым сельхозналогом, в Западно-Сибирском крае располагало всего около трети семей колхозников. На одну такую семью, по данным налогового учета, в среднем приходилось 0,17 га приусадебного посева, 0,13 рабочих лошадей, 0,80 голов крупного рогатого скота старше 3 лет и 1,46 овец и коз облагаемого возраста³.

В 1931–1933 гг. личное хозяйство колхозников Западной Сибири развивалось достаточно противоречиво. С одной стороны, постоянно уменьшался удельный вес колхозных дворов, вообще не имеющих его. В 1930 г. таких насчитывалось 68,4%, в 1931 г. – 22,1, в 1932 г. – 11,0% (табл.1). Это было связано со снижением доли коммун в числе коллективных хозяйств и сокращением уровня "обобществления" скота в сельхозартелях⁴. В то же время нормы Примерного устава соблюдались далеко не во всех из них. С лета 1931 г. во многих районах края стало вновь практиковаться принудительное изъятие скота, находящегося в собственности колхозников. Значительное количество скота жители деревни были вынуждены сдавать государству в счет мясopоставок или забивать для собственного потребления, чтобы не погибнуть от голода. Кроме того, снижалось количество и удельный вес ТОЗов⁵. Подобные факторы приводили к сокращению размеров ЛПХ. В 1933 г. на одну семью, таковое имеющую, по данным налогового учета, приходилось 0,11 га приусадебного посева, 0,01 рабочей лошади, 0,70 голов крупного рогатого скота, 0,65 овец и коз.

Таблица 1

Личное хозяйство колхозников Западно-Сибирского края в
1930–1933 гг. *

Год	Доля колхозных дворов, имеющих ЛПХ**, %	На одно ЛПХ приходится			
		посева, га	рабочего скота ***, голов	КРС***, голов	овец и коз ***, голов
1930	31,6	0,17	0,13	0,80	1,46
1931	77,9	0,15	0,01	0,80	1,15
1932	89,0	0,15	0,01	0,79	0,75

1933	89,4	0,11	0,01	0,70	0,65
------	------	------	------	------	------

*Рассчитано по данным налогового учета: ГАНО, ф.Р-6, оп.1, д.1946, л.1об.; д.2150, л.120, 128.

**В данную категорию включены дворы, имеющие т.н. необобщественные доходы.

***Учитывались лошади старше 4-х лет, КРС старше 3-х лет, перезимовавшие овцы и козы.

Но это были средние показатели. Следует иметь в виду, что в этом году каждая десятая колхозная семья в регионе не имела личного хозяйства, каждая четвертая – вообще никакого скота, каждая третья – крупного рогатого скота. Основной кормилицы-коровы не было в 2/5 дворов. Отсутствие или минимальные размеры ЛПХ в сочетании с крайне скудной натуральной и денежной оплатой труда в колхозах приводили к постоянному недоеданию, периодически переходившему в голод. Полуголодные крестьяне не имели ни сил, ни желания работать на колхозных полях и фермах. Для того, чтобы исправить ситуацию, лидеры большевистского режима сделали ставку на определенное расширение размеров ЛПХ. Еще 26 марта 1932 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление, в котором осудил практику тотального обобществления скота колхозников и призвал местные власти оказать членам колхозов, не имеющим коров или мелкого скота, помощь в приобретении и выращивании молодняка⁶. В середине августа следующего года вышло специальное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об оказании государственной помощи колхозникам, не имеющим коров, в их приобретении⁷. Еще через год, в конце июля 1934 г., пленум ЦК компартии указал органам партийного и государственного управления на необходимость "в кратчайший срок ликвидировать бескоровность" ЛПХ⁸.

Однако положение выправлялось достаточно медленно. На начало июня 1934 г. 42,0% семей колхозников Западно-Сибирского края (в новых границах) не имели коров, 63,9 – овец и коз, 70,5 – свиней, а 25,4% – вообще не располагали никаким скотом⁹. Это объяснялось рядом объективных и субъективных причин. Для выращивания молодняка требовалось время. Сопротивление процессу укрепления ЛПХ оказывали и многие функционеры, полагавшие, что увеличение личного хозяйства препятствует развитию общественного. В конце 1934 г. в северо-восточных районах края начался голод, и часть скота была пущена под нож. В результате средняя обеспеченность им членов колхозов к началу 1935 г. даже несколько снизилась (табл.2).

На 1 января 1935 г. в крае насчитывалось 20,5% бесскотных и 42,3 бескоровных дворов, 60,7% из них не имело овец или коз, 72,8 –

свиней¹⁰. Небольшими оставались и размеры приусадебного посева – 0,10 га на двор, имеющий ЛПХ, из них 71,2% посевных площадей занимал картофель, 21,4 – овощи, 4,1% – зерновые¹¹.

Таблица 2
Обеспеченность колхозников Западно-Сибирского края скотом в 1934–1936 гг.*

	На 100 дворов приходится, голов		
	На 1 июня 1934 г.	На 1 января 1935 г.	На 1 января 1936 г.
КРС	123,9	115,8	136,8
в т.ч. коровы	59,8	59,5	67,1
овцы и козы	143,8	118,7	149,4
свиньи	45,6	41,3	54,3

*Расчитано: Численность скота в Запсибкрае. Итоги июньского учета скота 1935 года. Новосибирск, 1935. С.14; Итоги переписи скота на 1 января 1936 г. в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1936. С.4.

Расчет проведен на все наличные колхозные дворы в границах Западно-Сибирского края без районов, отошедших осенью 1934 г. в состав Омской области и Красноярского края. Учитывался скот всех возрастов.

Сложившаяся ситуация препятствовала завершению коллективизации. Крестьяне, оставшиеся единоличниками, видя полуголодную жизнь членов колхозов, вступать в них не стремились. В связи с этим, по мнению лидеров большевистского режима, следовало улучшить благосостояние колхозников, позволив им увеличить личное хозяйство. На ноябрьском (1934 г.) пленуме ЦК ВКП(б) был поставлен и принципиально решен вопрос о необходимости пересмотра нормативных размеров ЛПХ в сторону их увеличения. В соответствии с решениями пленума был разработан проект нового Примерного устава сельхозартели, в котором, в частности, предусматривались более высокие предельные нормы личного хозяйства, чем в старом¹².

Новый Устав был официально принят на втором съезде колхозников-ударников 17 февраля 1935 г. В отличие от старого варианта в нем устанавливались нормативы наделения колхозников приусадебными землями, которые могли варьироваться от 0,25 до 0,5 га, а "в отдельных районах" – и до 1 га. Что же касается норм содержания скота, то устав предусматривал четыре варианта, зависящие от местных условий (от одной коровы, двух голов молодняка КРС, одной-двух свиноматок с приплодом и 10 овец и коз в растениеводческих районах, до 8–20 коров, 100–150 овец или коз, десятка лошадей, 5–8 верблюдов в районах кочевого животноводства)¹³. Предельные размеры ЛПХ для

каждого сельского района устанавливались республиканскими, краевыми или областными органами власти и утверждались наркомземами союзных республик.

После окончания съезда колхозников-ударников на местах началась работа по переводу сельхозартелей на новый устав. В конце февраля бюро Запсибкрайкома ВКП(б) утвердило список районов, в которых колхозным дворам разрешалось иметь в личном пользовании "повышенное" количество скота¹⁴. В начале мая того же года бюро крайкома компартии и президиум крайисполкома установили следующие допустимые нормы приусадебных участков колхозников: от 0,8 до 1,0 га – для районов, имеющих преимущественно животноводческую специализацию сельхозпроизводства (Барабинская и Приалтайская зоны, Ойротия, Нарымский округ); от 0,5 до 0,8 га – для районов с зерновой специализацией, за исключением пригородных колхозов; от 0,25 до 0,50 га – для колхозов, находящихся в 25-километровой зоне городов, имеющих развитую промышленность¹⁵.

Увеличение нормативных размеров ЛПХ в сочетании с дополнительным наделением земель и помощью в приобретении крупного рогатого и мелкого скота, оказываемой колхозникам, такового не имеющим, вскоре дало положительный эффект. Перелом наступил уже в 1935 г., когда заметно увеличились размеры приусадебного посева (с 0,10 до 0,17 га на один двор, имеющий личное хозяйство¹⁶), выросла обеспеченность колхозников скотом (см. табл.2) и сократилось число бескоровных и бескотных дворов. На 1 июня 1935 г. в Западно-Сибирском крае скота не имело 19,9% семей колхозников, коров – 37,4, овец и коз – 61,4, свиней – 64,7% семей колхозников, на 1 января 1936 г. – соответственно 16,1, 35,9, 53,8 и 66,1%¹⁷.

Поступательное развитие ЛПХ продолжилось и в 1936–1938 гг. (табл.3). В начале 1938 г. в территориальных рамках Западно-Сибирского края, разделенного к тому времени на Алтайский край и Новосибирскую область, на 100 семей колхозников приходилось 160 голов КРС, 75 коров, 227 овец и коз, 71 свинья (табл.4), а средний размер приусадебного посева в этом году, по нашим расчетам, составил 0,23 га на хозяйство. На 1 января 1938 г. в Новосибирской области насчитывалось 26,6% колхозных дворов без коров и 14,3% – без КРС, в Алтайском крае – соответственно 30,3 и 15,7%, в Омской области – 21,2 и 11,1%¹⁸. Личного хозяйства в этом году не имели 4,5% семей колхозников Новосибирской области, скота (на 1 января) – 10,1%¹⁹.

Таблица 3
Поголовье скота в личных хозяйствах колхозников Западной Сибири в 1935–1938 гг., тыс. голов (на 1 января)*

Год	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Свиньи
1935	1044,2	1058,2	435,9
1936	1333,8	1465,4	684,0
1937	1362,9	1604,5	417,7
1938	1529,4	2171,5	666,0

*Рассчитано по материалам учета и переписей скота в довоенных границах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей: ЦХАФАК, ф.Р-718, оп.18, д.1905, л.25; ГАОО, ф.Р-1088, оп.1, д.557, л.96; Новосибирская область в 1939 году. Новосибирск, 1940. С.227–229. Учитывался скот всех возрастов.

Таблица 4
Обеспеченность колхозников Алтайского края и Новосибирской области скотом в 1938 и 1940 гг. (на 1 января)*

Вид скота	На 100 дворов приходится, голов	
	1938 г.	1940 г.
КРС	160,0	144,7
в т.ч. коровы	74,8	75,5
овцы и козы	227,4	278,7
свиньи	71,5	80,1

*Рассчитано по данным переписей скота на все наличные колхозные дворы: ЦХАФАК, ф.Р-718, оп.1, д.15, л.8; оп.18, д.1905, л.25; Итоги переписи скота и состояние животноводства в Новосибирской области на 1 января 1940 г. Новосибирск, 1940. С.289. Учитывался скот всех возрастов.

Как отмечалось выше, личное хозяйство имело для колхозников далеко не подсобное значение. Оно давало большую часть потребляемых ими продуктов питания, за исключением хлеба. По данным бюджетных обследований колхозников Новосибирской области, в 1938 г. удельный вес продуктов, полученных ими из личных хозяйств, в общем приходе продуктов был следующим: молока – 93,7%, мяса – 91,3, овощей – 72,5, картофеля – 71,6, зерновых – 1,4%²⁰. Более того, за счет реализации продукции, выращенной на своем подворье, даже в благоприятные для колхозного производства годы формировалось около половины (в 1937 г. в Западно-Сибирском крае и Омской области – 45–55%²¹) всех денежных доходов колхозных семей.

В неурожайные годы, когда трудодни практически не оплачивались, ЛПХ становилось основным источником поступления и денег, и продуктов питания.

Личный сектор сельской экономики в целом по стране и в большинстве ее регионов, включая Сибирь, отличался гораздо более высокой производительностью и развивался более высокими темпами, чем "общественный". Колхозы и совхозы не выполнили поставленной перед ними задачи – в течение второй пятилетки в два раза увеличить объемы сельхозпроизводства. Официальных причин неудач было названо много. Среди них – отвлечение значительных трудовых ресурсов в ЛПХ. Действительно, колхозники предпочитали крайне низко оплачиваемой, а иногда практически неоплачиваемой работе на колхозных полях и фермах труд на своих личных подворьях, который не только являлся более стабильным источником дохода, но и позволял выжить в голодные годы. При этом они далеко не всегда ограничивали свое ЛПХ предельными нормами устава сельхозартели, превышая их по количеству скота и размерам приусадебного участка. Подобное положение вызывало негативную реакцию режима. Его лидеры и лично И.В. Сталин в конце 1938 г. решили начать наступление на ЛПХ.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР 4 декабря 1938 г. приняли постановление "О нарушении устава сельскохозяйственной артели в колхозах Белорусской республики"²², которое имело общесоюзное значение. Не подлежащее публикации в открытой печати, оно передавалось в областные и краевые комитеты компартии и исполкомы других республик СССР, а затем и в районы. 8 декабря в "Правде" появилась передовая статья "Воспитывать колхозников в духе строгого соблюдения колхозного устава", призывающая партийные и советские органы страны положить конец "незаконному" расширению личных подворий.

21 января 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР официально распространили действие своих решений по Белоруссии на всю территорию страны. Местные власти обязывались в кратчайшие сроки ликвидировать нарушения Устава сельхозартели по приусадебным участкам и количеству скота²³. К ограничению личного хозяйства колхозников призвал в своем выступлении на XVIII съезде ВКП(б) и секретарь ЦК А.А. Андреев²⁴.

Утвержденное майским (1939 г.) пленумом ЦК постановление "О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания" потребовало до 15 августа 1939 г. произвести обмер всех приусадебных участков и до 15 ноября отрезать все "излишки" сверх установленных норм. В этом же законодательном акте ограничивались размеры

землепользования единоличников и устанавливался обязательный минимум трудодней для колхозников. Не выработавшие минимума подлежали исключению из колхоза с конфискацией приусадебного участка²⁵. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О мероприятиях по развитию общественного животноводства" активизировало изъятие у колхозников "лишнего" скота²⁶.

Ограничению пределов роста ЛПХ должны были способствовать и изменения в налоговом законодательстве. В новом законе о сельскохозяйственном налоге на колхозников распространялись принципы обложения, ранее применяемые по отношению к единоличникам. Так же, как и у последних, размер налога с личных хозяйств членов колхоза теперь зависел от уровня годового дохода и исчислялся по прогрессивной шкале, тогда как в предшествующий период ставки их обложения были едиными и не коррелировались уровнем доходности того или иного двора²⁷. Результатом налоговой реформы стало существенное увеличение средней суммы сельхозналога, взимаемой с колхозного двора. В Новосибирской области в 1939 г. по сравнению с предыдущим она увеличилась почти в три раза²⁸. С этого года и до 1952 г. включительно государство стало изымать из личных хозяйств колхозников не только прибавочный, но и часть необходимого продукта.

Советское руководство достигло целей, которые ставило перед собой, начиная кампанию по ограничению размеров ЛПХ. Поступательное развитие личного сектора сельской экономики было фактически остановлено. Так, количество коров в ЛПХ колхозников Алтайского края и Новосибирской области на 1 января 1940 г. по сравнению с началом 1938 г. выросло всего на 0,7% (за 1937 г. оно увеличилось на 11,2%), а поголовье КРС в целом сократилось на 9,7%. Площадь приусадебных посевов в колхозах Новосибирской области уменьшилась на 3,0%²⁹. По данным налогового учета, в 1940 г. снизилась обеспеченность колхозников коровами и свиньями (табл.5). На одну колхозную семью Алтайского края и Новосибирской области, имеющую подсобное хозяйство, в этом году в среднем приходилось 0,26 га приусадебного посева, 0,90 коров, 2,27 овец и коз, 0,30 свиней облагаемого возраста.

Отрицательная динамика развития ЛПХ более явно проявилась в конце 1940 и 1941 г., что стало следствием неурожая 1940 г. Наиболее сильно пострадало личное животноводство. Острая нехватка кормов вызвала массовый забой скота, в первую очередь молодняка. На 1 января 1941 г. поголовье КРС на подворьях колхозников Алтайского края снизилось по сравнению с 1 января 1940 г. на 21,2%, овец и коз – на 28,2, свиней – на 78,7%³⁰. Сокращение

численности скота продолжилось и в начале 1941 г. В условиях начавшегося голода под нож пошло даже маточное поголовье. Проведенный летом этого года в относительно более благополучной, чем Алтайский край, Новосибирской области налоговый учет зафиксировал снижение приусадебных посевов (на 4,9%) и поголовья облагаемого скота (коров – на 9,5%, овец и коз – на 18,9, свиней – на 34,0%)³¹. Таким образом, колхозники Западной Сибири вошли в Великую Отечественную войну с ослабленным личным хозяйством.

Таблица 5

Личное хозяйство колхозников в 1939–1941 гг.*

Год	Доля колхозных дворов, имеющих ЛПХ**, %	На одно ЛПХ приходится			
		посева, га	коров, голов	овец и коз,*** голов	свиней,** * голов
Новосибирская область					
1939	95,5	0,26	0,93	2,09	0,56
1940	95,1	0,28	0,91	2,29	0,39
1941	96,2	0,27	0,85	1,92	0,27
Алтайский край					
1940	93,5	0,24	0,89	2,24	0,20
1941	94,1	0,23	0,88	1,47	0,07

*Рассчитано по данным налогового учета: ГАНО, ф.Р-1162, оп.3, д.33, л.344–345; оп.4, д.26, л.163–163об.; оп.5, д.21, л.2–3; ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.1, д.681, л.4–5; д.676, л.557–558.

**В данную категорию включены дворы, имеющие т.н. необобщественные доходы.

***Учитывались перезимовавшие овцы и козы, свиньи старше 6 месяцев.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война послала колхозное производство в глубокий нокаут. Основная часть мужского трудоспособного населения была мобилизована в армию. Труд оставшихся в деревне женщин, стариков, подростков не мог быть высокопроизводительным. Возросшие объемы мясopоставок вели к снижению поголовья скота. За счет уменьшения посевных площадей и крайне низкой урожайности упали сборы зерновых и других культур. В то же время выкачивание из деревни материальных ресурсов стало еще более тотальным. В этих условиях оплата колхозного трудодня свелась к минимуму, который не обеспечивал и полуголодного существования. При отсутствии иных источников дохода гарантию выживания давало только личное хозяйство.

Подход властей к регулированию размеров личного хозяйства в период войны базировался на следующих основных посылах. Прежде всего оно не должно было отвлекать колхозников от работы в "общественном" хозяйстве. В то же время ЛПХ отводилась роль основного источника самоснабжения сельского населения продовольствием. Кроме того, часть его ресурсов через денежные и натуральные налоги и сборы должна была поступать в государственный фонд. При этом на первом этапе войны Центр фактически самоустранился от решения вопросов, связанных с ЛПХ, отдав их на откуп местным властям. Те же вначале встали на путь ужесточения давления на личный сектор колхозной экономики. В 1941–1942 гг. в большинстве регионов страны, включая Сибирь, широкое распространение получила практика "добровольного" закупа личного скота для укомплектования обескровленных мясopоставками колхозных ферм. В результате поголовье коров в ЛПХ колхозников Новосибирской области, по данным налогового учета, в 1942 г. уменьшилось по сравнению с предыдущим на треть, овец и коз – наполовину, свиней – на две трети³². Соответственно снизилась и средняя обеспеченность индивидуальных хозяйств скотом (табл.6). Выросло в деревне и количество бескоровных и бескотных дворов. В то же время компенсировать потери скота за счет увеличения приусадебных участков колхозникам не позволялось. Более того, в ряде районов наметилась тенденция к снижению обеспеченности членов колхозов посевам. В Новосибирской области в 1941 г. она составляла 0,27 га, а в 1942 г. – 0,26 га. Еще одной особенностью начального этапа войны в регионе стал некоторый рост числа колхозных семей, не имеющих личного хозяйства, за счет эвакуированных, принятых в колхозы в качестве полноправных членов.

Таблица 6

Личное хозяйство колхозников в 1942–1945 гг.*

Год	Доля колхозных дворов, имеющих ЛПХ**, %	На одно ЛПХ приходится			
		посева, га	коров, голов	овец и коз,*** голов	свиней,*** голов
Новосибирская область					
1942	94,8	0,26	0,79	1,26	0,11
1943	94,7	0,24	0,82	1,17	0,10
1944	95,0	0,26	0,84	1,15	0,11
1945	96,6	Нет свед.	0,90	1,20	0,10

Алтайский край					
1943	95,6	0,23	0,77	1,02	0,04
1944	96,0	0,24	0,78	0,85	0,06
1945	96,6	0,23	0,80	0,91	0,06

*Рассчитано по данным налогового учета: ГАНО, ф.Р-1162, оп.7, д.69, л.9–10; д.231, л.1–2; д.247, л.3, 5, 6; д.539, л.4, 5; ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.1, д.682, л.1–2, 5–7; д.683, л.141; д.684, л.1; по Новосибирской области расчет проведен для 1943–1945 гг. в послевоенных границах, для 1942 г. – включая районы, отошедшие в Томскую область.

**В данную категорию включены дворы, имеющие т.н. необобщественные доходы.

***Учитывались перезимовавшие овцы и козы, свиньи старше 6 месяцев.

Вследствие сокращения размеров личного хозяйства в деревне усилился голод, грозящий перейти в голодомор. Чтобы исправить ситуацию, Центр осудил практику изъятия скота у колхозников и, более того, потребовал в кратчайшие сроки ликвидировать бескоровность и бесскотность колхозных семей. Вновь достаточно широко стала применяться практика продажи или даже передачи колхозных сельскохозяйственных животных членам сельхозартелей³³. Тем более, что сохранность скота в их хозяйствах была на порядок выше, чем на страдающих от бескормицы "общественных" фермах.

В итоге в 1943 г. поголовье скота в личном секторе колхозной экономики стабилизировалось, а в 1944–1945 гг. выросло. Увеличилась и средняя обеспеченность ЛПХ скотом. В 1945 г., по данным налогового учета, в одном личном хозяйстве колхозников Алтайского края и Новосибирской области вместе взятых в среднем насчитывалось 0,84 коров, 1,02 овец и коз, 0,8 свиней. По данным переписей скота, на 100 семей колхозников в тех же территориальных рамках в 1945 г. приходилось 116,3 голов КРС, 75,0 коров, 142,9 овец и коз, 16,5 свиней³⁴. Эти показатели примерно соответствовали довоенному уровню лишь по коровам, но уступали по другим видам скота, особенно существенно – по мелкому (см. табл.4, 5). Объяснялось это тем, что корова (а абсолютно большую часть личного поголовья КРС составляли коровы или подрастающие телки), дающая большую часть года молоко, ценилась крестьянами гораздо больше, чем свиньи или овцы, обеспечивающие их семьи мясом лишь на короткое время зимой. Поэтому во время голода колхозники в первую очередь забивали овец и свиней и старались до последней возможности сохранить корову. По той же причине мелкий скот гораздо активнее сдавался и в счет обязательных мясопоставок. В начале 1945 г. средняя обеспеченность

колхозных дворов Алтайского края уступала показателям 1940 г. по овцам и козам в 2,2 раза, по свиньям – в 5,5 раза³⁵.

Изменения в структуре личного стада свидетельствовали о существенном снижении удельного веса мясопродуктов в структуре питания колхозников. На это указывало и повышение доли картофеля в приусадебном посеве. В Алтайском крае и Новосибирской области вместе взятых, по данным налогового учета, она составляла в 1945 г. 84,5%. Овощи и бахчевые занимали 11,4% посевов, зерновые – 4,1%³⁶.

Однако либерализация политики по отношению к ЛПХ на заключительном этапе войны была весьма относительной. Колхозникам, а точнее колхозницам, позволялось трудиться на личном подворье лишь урывками, в свободное от работы на колхозных полях и фермах время, которого практически не было. Невыработка увеличенного обязательного минимума трудодней могла привести к лишению приусадебного хозяйства. И хотя во время войны эта мера применялась крайне редко, свою роль в качестве действенного метода внеэкономического принуждения к труду она сыграла. Не были повышены и предельно допустимые нормы землепользования и содержания скота. Более того, от местных властей по-прежнему требовалось осуществлять контроль за их соблюдением. Так, в конце 1943 г. газета "Социалистическое земледелие" напомнила им о недопустимости "расширения приусадебного участка и увеличения количества скота, находящегося в личном пользовании колхозников, свыше норм, предусмотренных Уставом"³⁷. Именно жестким контролем за соблюдением норм землепользования объяснялось то, что средние размеры приусадебных посевов в колхозах Новосибирской области за время войны не увеличились.

По-прежнему действенной формой ограничения размеров ЛПХ оставалось налогообложение. В начале войны была введена 100-процентная надбавка к сельскохозяйственному налогу³⁸. В декабре 1941 г. она была заменена военным налогом³⁹. 3 июня 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР были существенно увеличены нормы доходности, по которым рассчитывался сельхозналог: по зерновым (в РСФСР) – в 4,9 раза, по картофелю – в 5,3 раза, по коровам – в 3,5 раза, по овцам и козам – в 4,4 раза, по свиньям – в 3,8 раза. В сторону увеличения процента изъятия дохода изменялась таблица ставок, по которым рассчитывался налог⁴⁰. В Новосибирской области вследствие этого сумма налога в расчете на один колхозный двор, его уплачивающий, в 1943 г. возросла в 5,2 раза (с 97 руб. 60 коп. до 507 руб. 93 коп.). В 1944 г. средняя сумма сельхозналога в области составила 599 руб. 99 коп.⁴¹

В первые послевоенные годы государственная политика по отношению к ЛПХ сельских жителей существенно не изменилась. Власти по-прежнему делали ставку на развитие личного сектора животноводства. Ему отводилась значительная роль в восстановлении этой отрасли сельского хозяйства⁴². С повестки дня не снималась задача ликвидации бескотности и бескоровности личных подворий. В четвертом пятилетнем плане предусматривались конкретные меры по оказанию государственной помощи колхозникам в обзаведении скотом. В то же время требования соблюдения норм колхозного устава по содержанию скота и землепользованию оставались незыблемыми. Более того, уже осенью 1946 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) "О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах" от 19 сентября 1946 г.⁴³ началась кампания по экспроприации у колхозников "излишков" приусадебных земель. Местным органам предлагалось немедленно исправить те немногие допущенные во время войны с их негласного ведома факты превышения уставных норм землепользования и вернуть сельхозартелям "разбазаренные" земли.

Изменения размеров ЛПХ колхозников Новосибирской области и Алтайского края в первые послевоенные годы приводятся в табл.7 и 8. Общая площадь выявленных на этих территориях сверхнормативных "излишков" земель оказалась незначительной, и их изъятие на величину приусадебного посева существенно не повлияло. Более того, средняя обеспеченность колхозников посевом даже несколько увеличилась и составила в 1948 г. 0,26 га в Алтайском крае и 0,29 га в Новосибирской области. В структуре посевов еще более возросла доля картофеля – до 88,3%. Причем посевы "второго хлеба", который нередко являлся единственным, прирастали за счет овощных культур. Удельный вес снизился до 6,2%⁴⁴.

На динамику развития личного животноводства отрицательно повлиял неурожай 1946 г. В 1947 г. ситуация вновь изменилась в лучшую сторону. Однако поголовье скота в этом году восстановить так и не удалось. На 1 января 1948 г., по данным переписей скота, обеспеченность колхозников Алтайского края и Новосибирской области вместе взятых составила 141,5 голов КРС, 75,3 коровы, 13,4 свиней, 142,3 овец и коз на 100 домохозяйств. Налоговый учет зафиксировал, что в начале осени того же года на один имеющий облагаемые доходы колхозный двор в тех же регионах приходилось в среднем 0,90 коров, 1,04 овец и коз, 0,08 свиней.

Таблица 7

Личное хозяйство колхозников в 1946–1952 гг.*

Год	Доля дворов, имеющих ЛПХ**, %	На одно ЛПХ приходится			
		посева, га	коров, голов	овец и коз,*** голов	свиней,*** голов
1	2	3	4	5	6
Новосибирская область					
1946	96,5	0,27	0,90	1,30	0,10
1947	96,9	0,27	0,95	1,19	0,09
1948	97,2	0,29	0,98	1,20	0,09
1	2	3	4	5	6
1949	97,0	0,28	0,88	1,06	0,07
1950	97,4	0,27	0,86	1,04	0,08
1951	97,4	0,26	0,83	0,90	0,07
1952	98,0	0,27	0,81	0,91	0,05
Алтайский край					
1947	96,2	0,25	0,84	0,94	0,06
1948	96,8	0,26	0,85	0,95	0,07
1949	97,5	0,25	0,83	0,92	0,05
1950	97,6	0,24	0,80	0,85	0,05
1951	97,5	0,22	0,76	0,65	0,03

*Расчитано по данным налогового учета: ГАНУ, ф.Р-1162, оп.7, д.539, л.5, 8; д.666, л.7; д.790, л.2; д.921, л.4; д.1041, л.10; д.1133, л.12; ГАРФ, ф.А-411, оп.2, д.2612, л.2, 14; ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.1, д.1123, б/л; д.1146, л.324; д.1164, л.2; оп.3, д.617, л.2, 8, 9.

**В данную категорию включены хозяйства, имеющие доходы, облагаемые сельхозналогом, в т.ч. и от него освобожденные.

***Учитывались перезимовавшие овцы и козы, свиньи старше 6 мес.

Таблица 8

Обеспеченность колхозников Алтайского края и Новосибирской области скотом в 1945–1953 гг. (на 1 января)*

Год	На 100 дворов приходится, голов			
	КРС	в т.ч. коров	свиней	овец и коз
1945	116,3	75,0	16,5	142,9
1946	130,4	77,7	16,8	145,9
1947	135,3	75,3	12,3	140,7
1948	141,5	75,3	13,4	142,3
1949	137,9	нет свед.	10,7	131,1
1950	137,8	72,7	13,8	119,9
1951	113,6	69,5	17,7	95,3

1952	105,0	66,6	7,7	81,3
1953	108,1	65,5	7,7	69,1

*Рассчитано по данным переписей и учета скота на все наличные колхозные дворы: ГАНУ, ф.Р-11, оп.2, д.1280, л.38, 39, 75, 76; д.2414, л.18, 19; д.3467, л.27; д.4006, л.30; д.8761, л.30; ЦХАФАК, ф.Р-718, оп.18, д.1909, л.2; д.1910, л.4; д.1913, л.7; д.1917, л.3; д.1920, л.51; д.1925, л.31. Учитывался скот всех возрастов.

В послевоенные годы личное хозяйство оставалось для колхозников не подсобным, а основным источником существования. Оно давало до половины денежных доходов колхозной семьи и абсолютно большую часть потребляемых ее членами продуктов питания (кроме зерна, выдача которого по трудодням была ничтожно мала). Но ресурсы ЛПХ использовались не только самими колхозниками, но и государством. Значительная часть произведенной в них продукции продолжала изыматься по натуральным поставкам. Причем общие объемы этих поставок по ряду показателей ненамного уступали или даже превосходили колхозные заготовки. Так, на подворьях колхозников Новосибирской области в начале 1948 г. коров содержалось в 1,9 раза больше, чем на колхозных фермах. Крупного рогатого скота у колхозников было на 7% меньше, чем в колхозах, а мелкого скота – на 28%⁴⁵. Причем продуктивность ЛПХ существенно превосходила продуктивность колхозных ферм, переживающих жесточайший кризис.

И вновь одной из основных причин кризиса "общественного" животноводства, как и крайне низких темпов развития колхозного производства в целом, было названо отвлечение значительных трудовых ресурсов в ЛПХ. В связи с этим государственная политика по отношению к личным хозяйствам, начиная с 1948 г., существенно изменилась. 2 июня этого года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ "О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни"⁴⁶. Причем под подлежащими выселению "тунеядцами" имелись в виду в первую очередь колхозники, занятые преимущественно в своем личном хозяйстве и не выполняющие в связи с этим обязательного минимума трудодней. Масштабы репрессий в рамках исполнения данного указа были незначительными. В Новосибирской области на 15 сентября 1948 г. в ссылку отправили 619 чел., вместе с которыми выехало 150 членов их семей⁴⁷. Однако в данном случае режим ставил своей целью не столько расправиться с миллионами колхозников, не выполняющих обязательного минимума трудодней, сколько, запугав их и остальных

членов колхозов перспективой высылки, заставить трудиться с большей отдачей.

Если Указ от 2 июня 1948 г. непосредственно коснулся лишь небольшой части колхозников, то другие мероприятия власти были гораздо более масштабными. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1948 г. существенно повышались ставки сельхозналога и одновременно сокращался контингент лиц, которым могли предоставляться льготы по его уплате⁴⁸. В 1948 г. в Алтайском крае в результате этих нововведений удельный вес хозяйств колхозников, имеющих льготы по сельхозналогу, сократился с 31 до 18%, его сумма в расчете на один двор, имеющий облагаемые доходы, увеличилась с 377 до 561 руб. (на одно ЛПХ рабочих и служащих – с 227 до 329 руб.)⁴⁹, а общая сумма налога, предъявленная к уплате колхозникам, выросла более чем в 1,5 раза. В 1950 г. были увеличены ставки налога для хозяйств, сумма облагаемого годового дохода в которых превышала 4 тыс. рублей. В Новосибирской области в этом году под данную категорию подходило 57% уплачивающих налог колхозных дворов. В следующем году ставки увеличили для всех хозяйств. В 1952 г. произошло очередное существенное сокращение (в Новосибирской области – на 20%) числа дворов, имеющих права на налоговые льготы, и вводилась надбавка к налогу "на прочие доходы", под которыми подразумевались ранее необлагаемые домашняя птица и молодняк скота⁵⁰.

Особенно сильный удар власти нанесли по личному скотоводству. 18 апреля 1949 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли как отдельное постановление "Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949–1951 гг.)"⁵¹. В нем ставилась задача в кратчайшие сроки добиться того, чтобы колхозное и совхозное животноводство стало преобладающим как по удельному весу, так и по производству продукции. Наибольшего прироста "общественного" стада надлежало добиться в тех районах, в которых "социалистический сектор" особенно отставал от личного. В числе этих районов значилась и Западная Сибирь. В качестве одного из источников пополнения колхозного поголовья в плане называлось личное хозяйство колхозников. Однако на деле ЛПХ превратилось в основной источник роста поголовья колхозных ферм⁵². В 1948–1949 гг. для этих целей у колхозников Алтая "приобрели" более 200 тыс. голов КРС⁵³. В первую очередь изымался молодняк. Но в тех районах, где им по Уставу дозволялось иметь до двух коров (в Новосибирской области – Барабинская зона), отбиралась одна из них.

Растущее "общественное" поголовье обеспечивалось кормами за счет сокращения кормообеспечения личных хозяйств. В аналитических справках Алтайского крайстатуправления сообщалось, что в 1948 г. в крае были предотвращены "факты массового, самовольного сенокосения колхозниками для своего скота"; в 1949 г. "в целях обеспечения грубыми кормами общественного животноводства не разрешалось колхозникам самостоятельно заготавливать сено на колхозных землях"; в 1950 г. в связи с невыполнением государственного плана заготовки кормов их выдача на трудодни "проводилась в незначительных размерах". Следует также отметить, что в конце 1940-х гг. снизились рыночные цены на мясо. В этих условиях для уплаты налогов и приобретения промтоваров селяне вынужденно увеличивали продажу скота.

Продолжалась в конце 1940-х – начале 1950-х гг. и борьба с нарушителями Устава сельхозартели. В 1948 г. была проведена кампания по соединению семей, которые с целью увеличения размеров ЛПХ проводили фиктивный раздел имущества, но фактически продолжали вести совместное хозяйство. После "воссоединения" подобные семьи "ликвидировали излишний скот путем забоя и продажи"⁵⁴.

Усиление налогового пресса, имеющие принудительный характер "закупки" скота у колхозников, минимизация помощи их личным хозяйствам со стороны правлений колхозов, хроническая бескормица приводили к прогрессирующему снижению поголовья скота в ЛПХ. В Новосибирской области и Алтайском крае к концу 1952 г. оно сократилось по сравнению с 1947 г. по КРС на 32,0%, по коровам – на 28,3, по овцам и козам – на 60,0, по свиньям – на 52,4% (табл.9). Естественно, что сокращались не только абсолютные, но и относительные показатели (см. табл.7 и 8). По данным налогового учета, в Алтайском крае на 100 колхозных дворов приходилось в 1948 г. 85,2 коров, 95,0 овец и коз, 7,5 свиней, а в 1950 г. – соответственно 80,5, 85,1 и 4,7 голов⁵⁵. При этом, несмотря на то, что официально задача ликвидации бесскотности и бескоровности личных хозяйств колхозников не дезавуировалась, начиная с 1948 г. количество таких хозяйств стало увеличиваться (табл.10). В Новосибирской области в конце 1946 г. не имели коров 21,3% семей колхозников, а вообще никакого скота – 10,0%, в конце 1948 г. – соответственно 24,2 и 10,4%, в конце 1951 г. – 28,3 и 12,9%⁵⁶. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. произошло и некоторое сокращение посевов на приусадебных участках колхозников. Так, по данным налогового учета, в 1951 г. в Алтайском крае один колхозный двор в среднем засеивал 0,22 га, в Новосибирской области – 0,26 га (см. табл.7).

Таблица 9
Поголовье скота в личных хозяйствах колхозников Алтайского края и Новосибирской области в 1946–1953 гг., тыс. голов (на 1 января)*

Год	Крупный рогатый скот		Овцы и козы	Свиньи
	всего	в т.ч. коровы		
1946	583,4	348,2	647,9	75,1
1947	584,7	348,5	608,4	53,1
1948	650,4	346,0	653,8	61,4
1949	604,4	316,7	574,4	46,9
1950	592,8	312,9	516,0	59,3
1951	536,4	290,1	397,5	73,9
1952	455,8	262,9	320,9	30,5
1953	442,2	248,0	261,3	29,2

*Рассчитано по данным переписей скота: ГАНО, ф.Р-11, оп.2, д.1280, л.38, 39, 75, 76; д.2414, л.18, 19; д.3467, л.27; д.4006, л.30; д.8761, л.30; ЦХАФАК, ф.Р-718, оп.18, д.1910, л.4, 22; д.1913, л.20; д.1917, л.3; д.1920, л.42; д.1925, л.31; Народное хозяйство Алтайского края. Стат. сборник. Барнаул, 1958. С.66. Учитывался скот всех возрастов.

Таблица 10
Группировка колхозных дворов по обеспеченности скотом в 1946–1960 гг., %*

Год	Дворы					
	с двумя и более коровам и	без скота	без КРС	без коров	без овец	без свиней
Алтайский край						
1946	1,4	12,4	13,8	24,3	49,1	41,6
1947	1,6	12,2	14,1	28,7	46,1	88,6
1948	1,3	12,2	13,7	21,8	47,6	92,6
1949	0,8	13,5	14,9	31,1	53,1	91,4
1951	0,4	17,8	20,1	36,8	66,9	99,3
1953	нет свед.	16,5	20,7	31,9	68,0	69,0
1955	1,3	9,7	14,5	25,1	54,0	39,7
1956	1,9	8,1	12,2	20,4	48,4	39,8
1958	1,4	6,8	9,3	21,7	37,8	53,1
1960	1,0	7,1	11,3	20,5	31,0	42,4
Новосибирская область						

1952	0,7	12,9	14,9	28,3	58,0	90,2
1954	2,4	9,4	13,6	21,9	51,5	42,0
1955	4,9	7,6	11,5	19,1	44,2	32,4
1956	8,1	6,1	8,9	14,4	36,2	38,8
1958	6,5	4,5	6,8	15,4	26,5	41,3
1960	2,7	4,5	8,0	15,3	19,5	26,1

*Рассчитано по данным переписей и учета скота: ЦХАФАК, ф.Р-718, оп.18, д.1913, л.25; д.1917, л.35; д.1925, л.33; д.1939, л.5; д.1949, л.30; д.1962, л.29; д.1976, л.90; ГАНО, ф.Р-11, оп.2, д.6222, л.42; д.6224, л.5; д.6775, л.22; д.8149, л.9. Данные за 1946–1951 и 1958–1960 гг. на 1 января, за 1953–1956 гг. – на 1 октября. Учитывался скот всех возрастов.

Таким образом, в начале 1950-х гг. ЛПХ колхозников по ряду параметров оказалось отброшенным до уровня середины и даже начала 1930-х гг. Одновременно с сокращением размеров личных хозяйств произошло падение рыночных цен на сельхозпродукты, которое было связано с отменой карточной системы и неоднократным снижением государственных цен⁵⁷. При этом существенные потери в доходах от личного хозяйства за счет колхозов не компенсировались. Натуральная и денежная оплата труда в них оставалась минимальной. Вместе с тем доля ЛПХ как источника получения картофеля, овощей, мясопродуктов и молока даже несколько увеличилась. Уровень жизни колхозного крестьянства оставался крайне низким и уступал довоенному, тоже, кстати, весьма невысокому.

Естественно, что подневольный и практически бесплатный труд полуголодных колхозников не мог быть производительным, и сельскохозяйственное производство в стране и регионе топталось на месте. Все большему числу представителей партийно-государственной верхушки становилось ясно, что дальнейшее развитие сельского хозяйства на старых принципах невозможно. С тем, чтобы двинуть его вперед, необходимы были перемены, в том числе в отношении к личному хозяйству сельских жителей. Эти перемены начались после смерти И.В. Сталина.

Прежде всего был существенно снижен уровень налогово-податного обложения деревни. Уже 8 августа 1953 г. Верховный Совет СССР принял принципиально новый закон о сельскохозяйственном налоге⁵⁸. В соответствии с ним налог стал исчисляться по твердой ставке с площади (с каждой сотой гектара) приусадебной земли, находящейся в личной собственности, независимо от размера общей суммы доходов сельских семей, получаемых ими от личного хозяйства. В законе предусматривалось снижение суммы налога в 1953 г. на 50% и в 1954 г. – на 30% с хозяйств, не имеющих коров. В то же время для

семей колхозников, в которых отдельные члены не выработали в истекшем году установленного минимума трудодней, налог увеличивался наполовину. 1 сентября Верховный Совет СССР решил снизить размеры разового сбора на колхозных рынках в среднем на 30%⁵⁹.

В начале октября 1953 г. Совет Министров СССР ввел дополнительные льготы по сельхозналогу. От его уплаты в 1953 г. полностью освобождались колхозники, которые имели приусадебный участок, но не засеивали его и не имели продуктивного скота. Для плательщиков сельхозналога, сумма которого в 1953 г. оказалась выше той, какую уплачивали в 1952 г., предусматривалось его снижение до прошлогоднего уровня⁶⁰. В результате налоговой реформы общая сумма налога, предъявленная к уплате колхозникам Новосибирской области, уменьшилась в 1953 г. по сравнению с предыдущим на 42%, а в 1954 г. – еще на 37%. В среднем на одно облагаемое хозяйство в области приходилось в 1952 г. 573 руб. 53 коп. сельхозналога, в 1953 г. – 343 руб. 77 коп., в 1954 г. – 226 руб. 94 коп.⁶¹

К вопросам стимулирования развития ЛПХ обратился сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС, в резолюции которого осуждалась предшествующая политика по отношению к личному сектору сельской экономики и ее результаты: "Завышенные нормы поставок продуктов с приусадебного хозяйства, имевшиеся у нас недостатки в налоговой политике в отношении личного хозяйства колхозников привели к сокращению поголовья коров, свиней и овец в личной собственности колхозников"⁶². Пленум призвал местные органы прекратить практику ущемления интересов колхозников в отношении подсобного хозяйства и призвал оказывать им помощь в обзаведении скотом и обеспечении кормами. С тем, чтобы облегчить колхозникам возможность обзаведения скотом, было решено освободить их от мясopоставок на второе полугодие 1953 г. и не привлекать к таковым в 1954 г. дворы, не имевшие в личной собственности скота. С хозяйств колхозников списывались все недоимки по обязательным поставкам животноводческой продукции государству. Значительно снижались нормы госпоставок сельхозпродуктов⁶³. А с января 1958 г. натуральное обложение сельских жителей было полностью отменено⁶⁴.

Подобные решения вызвали бурный рост личного сектора сельской экономики. Перелом наступил уже в 1953 г. Селяне сократили забой скота, что привело к росту его поголовья. На 1 января 1954 г. на подворьях колхозников Алтайского края было больше, чем год тому назад, крупного рогатого скота на 12%, овец и коз – на 29, а свиней – на 341%. Разница в темпах роста поголовья по видам скота обуславливалась с различным состоянием кормовой базы. Грубых

кормов в деревне по-прежнему не доставало. В то же время колхозникам было выдано значительное количество зерновых концентратов, использованных для откорма свиней⁶⁵.

1954 г. еще более укрепил приусадебное животноводство. Началось широкомасштабное освоение целинных и залежных земель. Усилиям целинников благоприятствовала погода. Осенью удалось собрать высокий урожай. А поскольку государство перестало подчистую изымать зерно, то оно в невиданном доселе количестве досталось крестьянам на трудодни. Хорошей оказалась и урожайность трав. Колхозники обеспечили свои хозяйства достаточным запасом кормов. поголовье КРС на их подворьях увеличилось с 1 октября 1953 г. по 1 октября 1954 г. в Алтайском крае на 11,5%, в Омской области – на 13,4, в Томской области – на 8,8%, овец и коз – соответственно на 37,1, 32,4 и 34,1%, свиней – на 78,4, 72,6 и 41,9%⁶⁶.

В середине 1950-х гг. количество скота, принадлежавшего колхозникам региона, продолжало увеличиваться. За четыре года (с начала 1953 г. по конец 1956 г.) поголовье КРС в ЛПХ Алтайского края, Новосибирской, Омской и Томской областей вместе взятых возросло с 643,2 тыс. до 1041 тыс. (+61,8%), коров – с 361,9 до 465,9 (+28,7%), овец и коз – с 357,3 до 1023,6 (+186,5%), свиней – с 59,5 до 476,4 тыс. голов (+700,7%)⁶⁷. Более того, стало увеличиваться число лошадей, находившихся в личной собственности колхозных дворов. В Алтайском крае на 1 января 1953 г. оно составляло 0,6 тыс., а на 1 января 1957 г. – 3,1 тыс.⁶⁸ Существенно выросла средняя обеспеченность ЛПХ скотом (табл.11). В Омской области на 1 октября 1956 г. на 100 колхозных дворов приходилось 190 голов КРС, 86 коров, 104 свиноматки, 155 овец и коз, тогда как на 1 января 1953 г. – соответственно 102, 59, 9 и 46 голов⁶⁹. Сократился удельный вес бесскотных и бескоровных хозяйств (см. табл.10). В Новосибирской области в конце 1956 г. вообще никакого скота не имело 6,1% колхозных дворов, КРС – 8,9, коров – 14,4, овец – 36,2, свиней – 38,8%.

Таблица 11

Обеспеченность колхозников скотом в 1953–1960 гг.*

Год	На 100 дворов приходится, голов			
	КРС	в т.ч. коров	свиней	овец и коз
Новосибирская область				
1953**	123,5	69,1	9,5	82,0
1954**	Нет сведений			
1955***	201,0	85,7	119,4	224,1
1956***	221,5	93,9	103,0	277,8

1958**	166,5	91,1	79,1	248,3
1959**	172,1	93,5	102,7	285,6
1960**	153,2	87,3	107,1	298,0
Алтайский край				
1953**	112,9	63,4	6,6	60,3
1953***	148,9	68,8	40,3	101,1
1954***	165,4	73,7	71,6	137,9
1955***	178,8	76,7	94,5	160,6
1956***	192,9	82,0	96,7	187,0
1960**	138,1	80,8	75,4	217,8

*Рассчитано по данным переписей и учета скота на все наличные колхозные дворы: ГАНО, ф.Р-11, оп.2, д.4006, л.30; д.5685, л.2; д.6224, л.78; д.6775, л.17, 19; д.7118, л.8, 10; д.8149, л.3, 4; ЦХАФАК, ф.Р-718, оп.18, д.1930, л.40, 41; д.1949, л.29; д.1962, л.3; д.2010, л.209. Учитывался скот всех возрастов.

**Данные на 1 января.

***Данные на 1 октября.

Примечание автора: при анализе данных таблицы следует учитывать, что существенная разница между показателями средней обеспеченности колхозников скотом на 1 октября и 1 января в значительной степени связана с массовым забоем молодняка, происходившим в Западной Сибири в конце осени – начале зимы.

Показатели развития приусадебного растениеводства выросли не столь существенно. В Новосибирской области посевные площади в ЛПХ колхозников увеличились за четыре года (1953–1956) с 36,1 тыс. до 39,8 тыс. га, в Омской области – с 36,9 тыс. до 42,8 тыс. га.⁷⁰

Одна из причин более медленных темпов роста личного земледелия связана с особенностями налогообложения, уровень которого зависел от площади приусадебного участка (см. выше). Но главным фактором оставался жесткий контроль за соблюдением уставных норм землепользования. Нарушителей по-прежнему могли "приравнять" к единоличникам, что приводило к двукратному увеличению суммы налога. Более того, власти не только сдерживали рост личного землепользования, но и стремились к его сокращению. Так, уже с 1954 г. согласно постановлению Совета Министров СССР от 26 марта на местах "по ходатайству членов колхозов" производилось снижение размеров приусадебных участков⁷¹. Принятое в начале марта 1956 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров "Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели" содержало указание "не допускать увеличение приусадебного земельного фонда..., а, наоборот, стремиться к его

сокращению⁷². В результате реализации данной директивы в Новосибирской области средний размер приусадебного участка колхозников снизился с 0,43 га в 1956 г. до 0,37 га в 1957 г.⁷³

Поступательное развитие ЛПХ сопровождалось ростом объемов производимой в них продукции. Увеличилась роль личного сектора колхозной экономики в производстве животноводческой продукции. В Новосибирской области на долю ЛПХ колхозников приходилось в 1952 г. 37,8% производимого сала и мяса, в 1956 г. – 47,0%. В производстве картофеля и овощей личные хозяйства по-прежнему занимали преобладающие позиции. Удельный вес ЛПХ в общем валовом производстве сельхозпродуктов в колхозно-крестьянском секторе Новосибирской области составлял в 1952 г. 23,1%, в 1956 г. – 30,1%⁷⁴.

За счет своего хозяйства колхозники удовлетворяли абсолютно большую часть своих потребностей в картофеле, яйцах, овощах, молочных и мясных продуктах. Значительные объемы произведенной на подворье продукции поступали на рынок. В то же время товарность ЛПХ в середине 1950-х гг. по сравнению с началом десятилетия снизилась. В связи со снижением налогообложения отпала необходимость продавать продукты, необходимые для собственного потребления.

Несмотря на рост масштабов личного хозяйства, его значение как источника доходов уменьшилась. В 1953 г. на долю ЛПХ в Западной Сибири приходилось 42,9% совокупного дохода колхозной семьи, а в 1958 г. – 33,1%. Тогда как удельный вес заработков, получаемых от колхоза, в сумме доходов вырос с 39,7 до 55,6%⁷⁵. Таким образом, в середине 1950-х гг. достаточно отчетливо проявилась тенденция к превращению личного хозяйства колхозников в подсобное.

Однако в конце 1950-х гг. поступательное развитие личного сектора сельской экономики вновь было прервано. Произошло очередное ужесточение государственной политики в отношении ЛПХ. Наиболее сильному давлению подверглось личное животноводство. Старт кампании по его ограничению был дан Н.С. Хрущевым, который в своем выступлении на декабрьском (1958 г.) пленуме ЦК КПСС призвал сельских жителей следовать примеру колхозников из села Калиновка Курской области, сокративших свои приусадебные хозяйства⁷⁶. После этого "передовой опыт" калиновцев стал внедряться в других регионах страны. Работников многих колхозов и совхозов заставляли отказываться от содержания скота, а мясомолочные продукты покупать на фермах. Кроме того, местные власти вновь стали широко прибегать к практике "добровольно-принудительных" закупок

молодняка крупного рогатого скота у населения для его доращивания и сдачи государству.

На положении приусадебного животноводства негативно отразилось обострение кормовой проблемы в "общественном" хозяйстве, которая снова стала решаться за счет сокращения кормообеспечения ЛПХ. Это повлияло на численность принадлежащего колхозникам крупного рогатого скота. В Алтайском крае на 100 колхозных дворов в начале 1960 г. в среднем приходилось 138 голов КРС, тогда как в конце 1956 г. – 193. В Новосибирской области за 1959 г. обеспеченность колхозников КРС сократилась со 172 до 153, коровами – с 94 до 87 голов на 100 хозяйств (см. табл.11). Несколько увеличился удельный вес крестьянских семей, не имевших КРС и коров, и снизилось число ЛПХ с двумя и более коровами (см. табл.10).

Сокращение поголовья скота и объемов производимой в личном секторе сельской экономики животноводческой продукции способствовало обострению продовольственной проблемы и отрицательно сказывалось на жизненном уровне населения, включая самих колхозников. Тем не менее линия на ограничение размеров ЛПХ продолжалась вплоть до конца 1964 г. (см. раздел IV).

¹ Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. С.18–21.

² Правда. 1930. 2 марта; СЗ СССР. 1930. № 24. Ст.255. Согласно Примерному уставу общее собрание членов сельхозартеля имело право изменять размеры приусадебных участков и определять количество мелкого скота, которое разрешалось содержать в ЛПХ. В районах со слабо развитым животноводством свиней, овец и коз "обобществлять" вообще не следовало.

³ ГАНО, ф.Р-6, оп.1, д.1946, л.1об. Отсутствие ЛПХ у большинства западносибирских колхозных семей связано как со значительным распространением в регионе коммун (на 1 июля 1930 г. __ 32,8% от общего числа колхозов), так и высоким уровнем "обобществления" средств производства в местных сельхозартелях (в середине 1930 г. в колхозах Сибири было "обобществлено" 81,3% коров, в то время как на Северном Кавказе – 17,6, а в среднем по СССР – 33,9%). В то же время относительно большое по сравнению с последующим периодом количество лошадей в ЛПХ являлось следствием того, что 13% коллективных хозяйств края были ТОЗами, в части которых рабочий скот оставался в личной собственности их членов. – Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.) Новосибирск, 1973. С.304, 318.

⁴ К началу 1932 г. доля коммун в общем числе коллективных хозяйств Западной Сибири снизилась до 4,3%. Уровень "обобществления" коров в колхозах края на июль 1933 г. составил 45,7%. – Там же. С.318; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С.533.

⁵ К началу 1932 г. доля ТОЗов в общем числе колхозов Западно-Сибирского края снизилась до 2,3%. – Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С.318.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т.5. С.406.

⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1967. М., 1967. Т.2. С.433-435.

⁸ КПСС в резолюциях... М., 1985. Т.6. С.160.

⁹ Социалистическое строительство СССР. Ежегодник. М., 1935. С.385.

¹⁰ Итоги переписи скота на 1 января 1936 г. в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1936. С.9.

¹¹ ГАНО, ф.Р-6, оп.1, д.2369, л.155.

¹² Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937 гг.). М., 1978. С.24–25.

¹³ СЗ СССР. 1935. № 11. Ст.82.

¹⁴ Согласно постановлению бюро колхозникам двух аймаков Ойротии (районы кочевого животноводства) позволялось иметь 8–10 коров с молодняком, до 10 лошадей, 5–6 верблюдов, 100–150 овец и коз; колхозникам Горной Шории и 8 аймаков Ойротии – 4–5 коров с молодняком, 30–40 овец и коз, 2–3 свиноматки с приплодом, а также по одной лошади или 2 верблюда; колхозникам 26 животноводческих районов Барабинской и Приалтайской зон, а также Нарымского округа – 1–2 коровы с молодняком, 2–3 свиноматки с приплодом, 20–25 овец и коз. Для остальных районов края устанавливались минимальные нормы содержания скота. – ГАНО, ф.П-3, оп.2, д.673, л.257–258.

¹⁵ Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома. 1935. № 82. Ст.8190.

¹⁶ ГАНО, ф.Р-6, оп.1, д.2621, л.10об.

¹⁷ Численность скота в Запсибкрае. Итоги июньского учета скота 1935 года. Новосибирск, 1935. С.15; Итоги переписи скота на 1 января 1936 г. ... С.9.

¹⁸ Итоги переписи скота и состояние животноводства в Новосибирской области на 1 января 1940 г. Новосибирск, 1940. С.162–163; Сорокоумов А.Н. Материальное благосостояние колхозного крестьянства Западной Сибири в годы второй пятилетки. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983. С.108.

¹⁹ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып.1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. Новосибирск, 2000. С.148; Итоги переписи скота и состояние животноводства... С.162–163.

²⁰ Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск, 1975. С.171.

-
- ²¹ Вылцан М.А. Бюджеты семей колхозников в 1933–1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971. С.601.
- ²² См.: Политика раскрестьянивания в Сибири. С.154–155.
- ²³ Там же. С.163–165.
- ²⁴ XVIII съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М., 1939. С.119.
- ²⁵ КПСС в резолюциях... М., 1985. Т.7. С.109–115.
- ²⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.2. С.713–719.
- ²⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. 23 сент.
- ²⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири. С.148.
- ²⁹ Новосибирская область в 1939 г. Новосибирск, 1940. С.160, 227.
- ³⁰ ЦХАФАК, ф.Р-718, оп.18, д.1905, л.25; д.1906, л.8.
- ³¹ ГАНО, ф.Р-1162, оп.4, д.26, л.163–163об.; оп.5, д.21, л.2–3.
- ³² Там же, оп.5, д.21, л.2–3; оп.7, д.69, л.9–10.
- ³³ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С.340–341.
- ³⁴ ГАНО, ф.Р-1162, оп.7, д.539, л.5; ф.Р-11, оп.2, д.1280, л.75; ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.1, д.684, л.1; ф.Р-718, оп.18, д.1909, л.2.
- ³⁵ ЦХАФАК, ф.Р-718, оп.1, д.15, л.8; оп.18, д.1909, л.2, 42.
- ³⁶ Там же, ф.Р-606, оп.1, д.684, л.1; ГАНО, ф.Р-1162, оп.7, д.539, л.4об.
- ³⁷ Цит. по: Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. С.336.
- ³⁸ ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.1, д.732, л.210.
- ³⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 12 янв.
- ⁴⁰ ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.1, д.732, л.11; д.736, л.69.
- ⁴¹ ГАНО, ф.Р-1162, оп.7, д.69, л.9; д.247, л.10.
- ⁴² История советского крестьянства. Т.4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 50-х годов. М., 1988. С.40.
- ⁴³ КПСС в резолюциях... М., 1985. Т.8. С.55–61.
- ⁴⁴ ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.1, д.1146, л.324; ГАНО, ф.Р-1162, оп.7, д.666, л.7. Наряду с картофелем в ЛПХ колхозников Алтайского края и Новосибирской области постоянно росли посевы зерновых. В 1940 г. их удельный вес в приусадебном посеве составлял 1,4%, в 1945 г. – 4,0, в 1948 г. – 5,5%. (Там же; ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.1, д.681, л.4; д.684, л.1; ГАНО, ф.Р-1162, оп.4, д.26, л.163; оп.7, д.539, л.4об.). Однако этот рост был несравним с общесоюзными показателями, и зерновые в регионе в целом занимали ничтожную часть приусадебных посевов. В СССР зерновые занимали в 1940 г. – 19%, в 1945 г. – 31, в 1950 г. – 33%. –

Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946–1950. М., 1978. С.460.

⁴⁵ ГАНО, ф.Р-11, оп.2, д.2414, л.18, 19.

⁴⁶ Отечественные архивы. 1993. № 2. С.38.

⁴⁷ ГАНО, ф.Р-1020, оп.5, д.11, л.20.

⁴⁸ ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.1, д.736, л.69.

⁴⁹ Там же, д.11232, б/л; д.1146, л.324. В Новосибирской области сумма сельхозналога на один облагаемый колхозный двор увеличилась с 594 до 672 руб., на одно ЛПХ рабочих и служащих – с 371 до 448 руб. – ГАНО, ф.Р-1162, оп.7, д.539, л.9; д.666, л.7об.

⁵⁰ ГАНО, ф.Р-1162, оп.7, д.666, л.5, 6; д.790, л.117; д.921, л.12об.; д.1133, л.5, 6; ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.4, д.646, л.173; д.647, б/л.

⁵¹ Правда. 1949. 19 апр.

⁵² Советская деревня в первые послевоенные годы. С.251–252.

⁵³ ЦХАФАК, ф.Р-718, оп.18, д.1913, л.25; д.1917, л.34.

⁵⁴ Там же, д.1913, л.24, 25; д.1917, л.32, 34; д.1920, л.43, 44.

⁵⁵ Там же, ф.Р-606, оп.1, д.1146, л.324; оп.3, д.617, л.8, 9.

⁵⁶ ГАНО, ф.Р-11, оп.2, д.1556, л.40; д.2414, л.20; д.3467, л.1.

⁵⁷ История советского крестьянства. Т.4. С.179.

⁵⁸ Заседание Верховного Совета СССР (пятая сессия) 5 – 8 августа 1953 г.: Стенограф. отчет. М., 1953. С.315.

⁵⁹ ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.4, д.649, б/л.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ГАНО, ф.Р-1162, оп.7, д.1133, л.12; д.1267, л.11; д.1356, л.19.

Налогообложение ЛПХ, несмотря на рост доходов от него, в дальнейшем не увеличивалось. В Новосибирской области средняя сумма сельхозналога, предъявленная облагаемому хозяйству колхозников, в 1955 г. составила 240 руб. 60 коп., в 1956 г. – 237 руб. 96 коп., в 1957 г. – 210 руб. 50 коп., в 1958 г. – 212 руб. 00 коп. – Там же, д.1443, л.5; д.1553, л.4; д.1654, л.9; д.1738, л.2.

⁶² КПСС в резолюциях... Т.8. С.306.

⁶³ История советского крестьянства. Т.4. С.329.

⁶⁴ КПСС в резолюциях... Т.9. С.192.

⁶⁵ Народное хозяйство Алтайского края. Стат. сборник. Барнаул, 1958. С.60; ЦХАФАК, ф.Р-718, оп.18, д.1930, л.46.

⁶⁶ ЦХАФАК, ф.Р-718, оп.18, д.1930, л.41; д.1949, л.64; Народное хозяйство Омской области и города Омска. Стат. сборник. Омск, 1957. С.69–70; Народное хозяйство Томской области. Стат. сборник. Томск, 1957. С.79.

-
- ⁶⁷ Народное хозяйство Алтайского края. С.66; Народное хозяйство Новосибирской области и города Новосибирска. Стат. сборник. Новосибирск, 1957. С.71–73; Народное хозяйство Омской области. С.69, 70; Народное хозяйство Томской области. С.79.
- ⁶⁸ Народное хозяйство Алтайского края. С.66.
- ⁶⁹ Народное хозяйство Омской области. С.93.
- ⁷⁰ Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С.326.
- ⁷¹ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. М.-Вологда, 1991. С.106.
- ⁷² КПСС в резолюциях... М., 1986. Т.9. С.95.
- ⁷³ ГАНО, ф.Р-1162, оп.7, д.1553, л.4; д.1654, л.9.
- ⁷⁴ Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. С.326.
- ⁷⁵ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991. С.243.
- ⁷⁶ Пленум ЦК КПСС. 15–19 декабря 1958 г. Стенограф. отчет. М., 1958. С.66–69.